

жение цен на нефть, и это было существенным фактором. И не только этот момент, ведь известно, что план Даллеса, который был в своё время разработан, последовательно осуществлялся. Я ещё сказал бы о том, что Советский Союз почему-то приступил к разоружению и выводу своих войск из Европы, в то время как США продолжили вводить туда свои войска.

Грегори: Должен сказать, что вы не очень хорошо понимаете, как устроена политика США. Очевидно, что президент США хотел бы видеть цены на нефть низкими, но сейчас он не может этого сделать уже несколько лет. Так что вы преувеличиваете способность США повлиять на цены на нефть.

Вопрос о ценах. Знаете ли вы, что у нас до сих пор в России регулируются цены? Устанавливаются цены на бензин, на тепло, на электроэнергию, на доллар. Знаете ли вы об этом и каков ваш прогноз, к чему приведёт это государственное регулирование цен?

Грегори: Понятно, что это регулирование происходит по политическим соображениям. Если я иду в российский супермаркет, то цены там сопоставимы с американскими; если я заправляю машину, то цена на бензин в России значительно ниже. Для меня очевидно, что чем дольше государство будет регулировать цены, тем больше опасность для экономики.

Большое спасибо! Мне жаль, что я должен был прочитать лекцию, я хотел бы просто поговорить с вами.

Пол Грегори – профессор факультета экономики *Хьюстонского университета, США*. Специалист по экономической истории. На русском языке издан ряд его книг:

Пол Грегори. Экономический рост Российской империи. М., Издательство: Российская политическая энциклопедия, 2003. 251 страниц;
Грегори П. Политическая экономика сталинизма / Пер. с англ. И. Кузнецовой, А. Макаревича. М., РОССПЭН, Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008.

© Текст: Пол Грегори

Егор Гайдар представляет свою книгу «ГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ»

Уже пятый год нет с нами Егора Тимуровича Гайдара. Мир и страна изменяются, многие события переосмысливаются. Фонд Гайдара прикладывает немалые силы для того, чтобы с произведениями Е.Т. Гайдара знакомилось как можно больше людей на разных языках. Прошлой осенью мы представляли в Любляне словенское издание его книги «Гибель империи»; на очереди издание в Германии; американское издание вышло уже давно и книга ждет переиздания для англоязычной аудитории. Недавно по телевидению прошел фильм А.Пивоварова «Гибель империи», созданный при участии Фонда Гайдара и придавший дискуссии новый импульс.

Но странное дело: в споре вокруг проблем распада Советского Союза и социалистического лагеря за последние годы не прибавилось никаких новых аргументов, глубоких исследований и нетривиальных выводов. Дискуссии по-прежнему носят поверхностный и ожесточенный характер, опираются на эмоции, мифологемы и даже на сложившиеся штампы.

Между тем книга Гайдара не всеобъемлюща, она не закрыла, а лишь приоткрыла научный дискурс обсуждения. Гайдар сам писал, что он рассматривал лишь один экономический аспект глубокого системного кризиса, результатом которого стала революционная трансформация государства и общества. Егор Тимурович часто цитировал строфы Булата Окуджавы:

Вселенский опыт говорит,
Что погибают царства
Не оттого, что труден быт
Или страшны мытарства.
А погибают оттого,
И тем больней, чем дольше,
Что люди царства своего
Не уважают больше.

Гайдар прекрасно понимал значение и политической составляющей, и нравственной, этнокультурной и психологической компоненты, и общей атмосферы в обществе, и влияние различных партий интересов и состояние важнейших институтов государства, и мировой контекст, и личностные качества лидеров...

Но его книга, имеющая подзаголовок — «Уроки для современной России», не вполне академическая: она, как разбор полетов, нацелена на практическое употребление практикующими политиками.

Потому книга его и сегодня является объектом нападений, далеких от научной беспристрастности. И сегодня она дает самые глубокие объяснения произошедших с нами катаклизмов. Учитывая все это, мы публикуем в журнале авторское представление этой важнейшей книги в Высшей школе экономики 14 июня 2006 года.

Редакция

Егор Гайдар:

Дорогие друзья, книга «Гибель империи», написанная в 2005-2006 годах, выполнена в другом формате, чем моя предшествующая работа, — «Долгое время». Однако логически они связаны. Последняя книга посвящена кризису и краху советской экономической и политической систем. То, что она стала бестселлером, меня удивило. Когда я садился работать над ней, этого не предполагал. Половина работы — таблицы, графики, официальные документы советских властей. То, что «Гибель империи» оказалась востребованной широким кругом читателей, — для меня приятный сюрприз. Это показывает, что российское общество хочет разобраться в том, что произошло с нашей страной на протяжении последних двадцати лет.

Два обстоятельства подвигли меня к работе над этой книгой. Первое — то, что цены на нефть в реальном исчислении приблизились к уровню, похожему на позднебрежневские времена. Они еще не достигли пика 1980–1984 годов, но близки к нему. Второе — то, что в российском обществе, как мне кажется, сложилось устойчивое представление о том, что произошло с нами на протяжении последних двадцати лет. Оно присутствует и в серьезных аналитических статьях, и в «мыльных операх», посвященных этому периоду.

Картина мира, которая возникает при знакомстве со столь разнообразными источниками знаний о нашем недавнем прошлом, проста и убедительна. Жила

великая держава — Советский Союз. Она динамично развивалась. Разумеется, в ней были свои проблемы. Назовите страну, в которой проблем нет?

Потом пришли странные люди. Дальше развилка: одна гипотеза — они были клиническими идиотами, другая — агентами иностранных спецслужб. Они начали какие-то реформы. Результаты реформ оказались катастрофическими. Только когда к власти вновь пришли люди, думающие о государственных интересах, жизнь стала налаживаться.

Это легенда, причем легенда опасная. Она, на мой взгляд, не менее опасна для мира, чем сформированная во время Веймарской республики легенда о Германии, — которая-де не несет никакой ответственности за начало Первой мировой войны, она никогда не была побеждена на поле боя, но ей нанесли удар ножом в спину. Это сделали инородцы и социалисты.

Тогда эта легенда (и это показывают многие исследования, посвященные Веймарскому периоду) во многом укоренилась из-за отказа новых демократических властей предать гласности документы, позволявшие понять происходившее в 1914–1918 годах. Из-за переговоров о репарациях публиковать их сочли неудобным. Они были введены в научный обиход лишь в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Веймарские власти помогли создать легенду, которую потом противники немецкой демократии прекрасно использовали против них.

Рис. 1

*В международных долларах 1990 г. (Geary-Khamis dollars)

Источники: 1. Maddison A. Monitoring the World Economy 1820–1992. Paris: OECD, 1995; Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris: OECD, 2003.

2. Bairoch P. Cities and Economic Development: from the Dawn of History to the Present. Chicago, 1988.

Рис. 2

Источник: FAOSTAT data, 2005.

В последнее время работа с архивными документами, посвященными советской истории, становится все более сложной. Но массив документов, который удалось ввести в научный оборот в начале — середине 1990-х, позволяет показать, что на самом деле происходило в Советском Союзе в конце 1980-х — начале 1990-х годов.

Нередко в международной литературе, посвященной переходному периоду, сравнивают путь, пройденный Советским Союзом — Россией, с развитием Китая. По моему убеждению, происходившее в России и в Китае заслуживает сопоставления. Но оно содержательно, если речь идет о сопоставимых уровнях развития. Важнейшие показатели, его характеризующие, в Китае 1979 года и в Советском Союзе времен экономической дискуссии 1928–1929 года, сопоставимы. На слайде приведены данные по двум из них. Ряд показателей можно расширить (см. рис. 1).

Известная подавляющему числу присутствующих экономическая дискуссия 1928–1929 гг., если переводить это на современный язык, была дискуссией о целесообразности выбора пути, который спустя десятилетия получил название «Китайского».

И. Н. Рыков и Н. И. Бухарин, предлагали сохранить частное крестьянское хозяйство, добровольную коллективизацию, финансовую стабильность, развитие рыночных механизмов — при политическом контроле коммунистической партии. Это именно тот путь, на который много десятилетий спустя встало китайское руководство.

В СССР в конце 1920-х годов было принято другое решение. Причины этого многим из присутствующих хорошо известны. Думаю, многие знают о внутреннем подтексте этой дискуссии. Он был прост. Н. Бухарин говорил, что в крестьянской стране нельзя заставить крестьянскую армию силой отобрать хлеб у крестьян — это путь к гражданской войне. А И. Сталин отвечал: «Можно». И в краткосрочной исторической перспективе он оказался прав.

Но последствия для развития советской экономики оказались серьезными.

Советское руководство создало своеобразную ситуацию в сельском хозяйстве СССР. Обычно индустриализации предшествует так называемая аграрная революция: резкий рост продуктивности сельского хозяйства, еще базирующийся не на широком применении машин, а на лучшем севообороте, на применении минеральных удобрений. Именно это обеспечивает рост производства продовольственных ресурсов,

позволяющий кормить растущие города. В Советском Союзе хлеб у крестьян отобрали силой. Миллионы людей умерли от голода. Была создана ситуация, в которой крестьяне оказались людьми четвертого сорта — без права на пенсию, с зарплатой, которая в 10 раз меньше, чем в городе, без права смены места жительства и работы. В странах же, более развитых, чем наша, крестьянский труд, даже в условиях индустриализации, ценился высоко. Старший сын, наследник хозяйства, оставался в деревне. Младшие должны были, пусть даже неохотно, адаптироваться к жизни в городе. Массовая иммиграция из Европы в Северную Америку в значительной степени была мотивирована стремлением сохранить статус крестьянина, фермера. В рамках этого сценария развития не было разделения на людей первого сорта, уходивших в город, и второго — остававшихся в деревне. Советское руководство создало именно такое деление.

Надо понять, какие стимулы в подобной ситуации определяли поведение молодых юношей и девушек из деревни, способных к социальному продвижению. Им дали мощный сигнал: главное, что необходимо сделать в жизни, — любой ценой перебраться в город. Каналы для этого были — комсомольские стройки, армия и т.д. Нетрудно понять, какую социальную структуру в результате мы получили на селе и какие долгосрочные последствия это имело. Такого падения факторной продуктивности сельского хозяйства, которое произошло в СССР на протяжении четверти века, последовавшей за 1928–1929 годами, мировая аграрная история применительно к крупным странам не знает (см. рис. 2).

Сделанный выбор породил долгосрочные экономические проблемы, с которыми СССР так и не справился. Их хорошо описывает Н. Хрущев в письме в Президиум ЦК КПСС. Их суть в следующем. В стране растет городское население, и соответственно растет потребность в зерне, необходимом, чтобы его кормить. А между тем хлебозаготовки уже 15 лет не растут. Что делать? В советском руководстве начинается оживленная дискуссия, суть которой в выборе — либо поднимать нечерноземную деревню, либо осваивать целину (см. рис. 3).

Попытка поднять нечерноземную деревню, при сохранении колхозного строя, — задача более чем рискованная. Когда советское руководство в конце 1960-х — начале 1970-х годов попыталось пойти по этому пути, результаты оказались далеко не обнадеживающими. По меньшей мере, для создания шанса на успех подобной стратегии в начале 1950-х годов

нужно было распустить колхозы. Ни в одном документе, с которым мне довелось ознакомиться, это никогда всерьез не обсуждалось. Ну, а тогда естественный для социалистического хозяйства выбор — освоение целинных и залежных земель. Идея обсуждалась уже в конце 1920-х годов, была поддержана Сталиным. Она соответствовала логике социалистической системы. Крупные инвестиции, масштабные проекты, концентрация ресурсов, возможность использовать те преимущества, которые давались рабочим в городе, чтобы направить часть миграционного потока не из деревни в город, а из деревни в деревню, но в деревню на целинных и залежных землях. Оппоненты этого подхода уже в конце 1920-х годов высказывали свою озабоченность тем, что урожаи станут еще более волотильными, чем в традиционных районах земледелия. Это возражение Сталина не убедило. Хрущеву эти аргументы также показались недостаточно весомыми. С точки зрения социалистической системы хозяйствования, на протяжении первых десяти лет, программа была достаточно успешной. Заготовки зерна, которые не росли на протяжении предыдущих пятнадцати лет, за 10 лет удалось увеличить почти в два раза. Однако на фоне этих успехов проявляются новые проблемы. Урожай, как это и предсказывалось оппонентами освоения целины, становится все более непредсказуемым. К тому же ресурсы, мало-мальски пригодные к освоению целинных и залежных земель, ограничены. С течением времени они оказываются исчерпаны. А между тем проблема снабжения городов продолжает обостряться.

В 1963 году СССР — впервые в истории Российской империи и Советского Союза — в массовых масштабах закупает зерно на Западе. Страна импортирует 12 миллионов тонн зерна, платит за него одну треть золотого запаса. Н. Хрущев обсуждает на Президиуме ЦК КПСС вопрос, как проинформировать восточноевропейские страны о том, что СССР на протяжении нескольких лет не сможет поддерживать их продовольствием. На том же обсуждении он говорит: «Больше такого позора, который был, терпеть советская власть не может»¹. Жизнь покажет: терпеть придется.

К середине 1960-х годов СССР вышел на заготовки зерна в размере примерно 65 миллионов тонн в год, и с погодными колебаниями эта цифра на протяжении последующей четверти века не увеличивается.

А между тем, на этом фоне численность городского населения возрастает на десятки миллионов человек. И чем прикажете кормить это городское население?

Выход, если не менять всю хозяйственную систему, один — радикальное изменение структуры внешнеэкономических связей. Россия, которая перед Первой мировой войной, даже при серьезных проблемах с сельским хозяйством, была ведущим экспортером зерна, становится крупнейшим в мире его импортером, покупающим существенно больше, чем два следующих за нами государства — Япония и Китай вместе взятые. Резко растут и общие объемы сельскохозяйственного импорта. Казалось бы, в этой ситуации естественно поставить вопрос: «Мы разорили сельское хозяйство, вложили деньги в индустри-

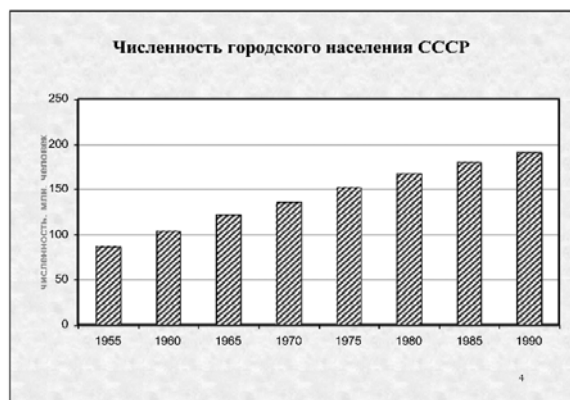

Рис. 3

Источник: Статистические сборники «Народное хозяйство СССР» за разные годы. М.: Финансы и статистика.

Рис. 5

Источник: Топливо-энергетический комплекс СССР 1988 г. М.: ВНИИКТЭП, 1989. С. 127; Топливо-энергетический комплекс СССР 1990 г. М.: ВНИИКТЭП, 1991. С. 140–141.

лизацию, а почему же теперь не можем сделать то, что делают развитые в индустриальном отношении страны, такие как Япония? Она тоже закупает сельскохозяйственную продукцию в крупных масштабах и расплачивается за нее продукцией обрабатывающих отраслей».

Однако в ходе социалистической индустриализации в СССР была создана такая система управления народным хозяйством, при которой производить конкурентоспособную на мировом рынке продукцию обрабатывающих отраслей, хотя бы, по меньшей мере, продукцию гражданского машиностроения, невозможно.

В основу системы советской внешней торговли отнюдь не был положен рикардианский принцип сравнительного преимущества. Ее хорошо описал М. Горбачев на одном из своих совещаний, последовавших после его назначения на должность Генерального секретаря ЦК КПСС. На совещании в ЦК КПСС 23 августа 1986 г. он говорил: «Мы покупаем потому, что жить без этого не можем»².

Советское руководство не хочет быть зависимым от западных закупок, однако закупает то, без чего страна не может жить. Но тогда надо отвечать на ключевой вопрос: чем же мы можем расплачиваться за то, без чего жить не можем?

Об этом говорит коллега М. Горбачева по Политбюро ЦК КПСС, председатель Совета министров Н.И. Рыжков: «Потому мы и вывозим сырье, что больше никто ничего у нас не берет за конвертируемую валюту»³. Сколько лет просуществовал Советский Союз, после того как страна стала крупнейшим в мире импортером зерна, зависело от одного важнейшего фактора — открытия месторождений нефти в Западной Сибири. Это позволило покупать то, без чего СССР не мог жить и за что расплачивался сырьем. Месторождения, по международным сопоставлениям, были уникальными: неглубокое залегание, высокий дебит скважин. Уже в 1970 году Западная Сибирь — крупная, по мировым стандартам нефтегазовая провинция. На протяжении двенадцати лет добыча увеличивается в 12 раз. Это ресурс, позволявший СССР стать крупнейшим в мире импортером зерна.

В это время в советском руководстве идет оживленная дискуссия о стратегии освоения нефти Западной Сибири. Специалисты-нефтяники, в том числе министр нефтегазовой промышленности В. Шашин, руководители западносибирской нефтедобычи говорили: «То, чего вы от нас требуете, — авантюра. Вы требуете темпов роста добычи, которые несовмести-

мы со стабильными условиями эксплуатации скважин. Такая политика приведет к быстрому падению добычи в последующих годах». Но их оппонент из Госплана отвечает: «Надо».

А. Косыгин, председатель Совета министров СССР, один из самых компетентных советских руководителей, имел обыкновение звонить начальнику Главтюменьнефтегаза В. Муравленко и говорить примерно следующие слова: «С хлебушком плохо — дай 3 млн тонн сверх плана»⁴. Последствия такой практики с течением времени неизбежно сказываются. Дебит скважин быстро падает (см. рис. 5).

Это резко увеличивает потребность в капитальных вложениях, себестоимость добычи нефти. Однако на фоне обостряющихся проблем в нефтедобыче, советское руководство вытаскивает счастливый билетик — резкое повышение цен на нефть в 1970-х — начале 1980-х годов (см. рис. 6).

Восходящая линия на графике — пик брежневской эпохи, нисходящая — начало краха СССР.

Проблемы, с которыми сталкиваются страны, зависящие от колебаний ресурсных доходов, описаны давно и хорошо. Применительно к нефти суть состоит в том, что эластичность спроса и предложения по цене в краткосрочной и долгосрочной перспективе различается радикально. Поэтому цены на сырьевые и топливные товары колеблются в диапазонах, нехарактерных для цен на продукты обрабатывающих отраслей. Самое резкое ухудшение условий торговли для крупнейшей в мире экономики (США) за последние 50 лет произошло в 1974 году и составило примерно 15%. Когда речь идет об экономиках, зависящих от ресурсного экспорта, говорить приходится не о процентах, а о разгах. С такими экономиками нельзя обращаться так, словно они устроены так же, как и все остальные.

Специфика экономики стран, зависящих от труднопрогнозируемых и нестабильных ресурсных доходов, была описана еще в XVII веке, на примере Испании, доходы которой, после открытия Америки, зависели от импорта золота и серебра из Америки.

На рисунке 7 приведены данные о доходах Испанской короны от импорта золота и серебра из Америки, а СССР — от добычи нефти. Нетрудно убедиться — в них есть очевидное сходство (см. рис. 7).

В конце гистограммы вы видите год, когда Испания, армия которой полвека не потерпела ни одного

серьезного поражения на суше, была вынуждена отказать от всех своих владений вне Пиренейского полуострова, от контроля над Португалией и с огромным трудом смогла удержать Арагон, Каталонию и Астурию. На фоне падения нефтяных доходов Советский Союз, армия которого тоже не потерпела ни одного серьезного поражения за предшествующие несколько десятилетий, вынужден был отдать контроль над Восточной Европой. Как и в случае с Испанией, это стало результатом неразрешимых экономических проблем и финансовой несостоятельности.

Разумеется, я не подозреваю советское руководство в том, что оно внимательно изучало труды профессоров университета Саламанки, посвященные анализу влияния импорта американского золота и серебра на испанскую экономику.

Интеллектуальный уровень советской политической элиты хорошо описывает цитата из материалов Президиума ЦК КПСС: «О Засядько: говорят, перестал пить. Тогда его министром на Украину»⁵. Предположить, что испанский опыт мог чему-нибудь научить руководство КПСС мало реалистично.

Однако советские руководители, которые сами занимались своеобразными операциями на рынке нефти, могли бы понимать, что это рынок необычный. Приведу характерную выдержку из записки председателя КГБ Ю. Андропова Генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу. «Комитет госбезопасности с 1960 года поддерживает делово-конспиративный контакт с членом Политбюро Народного фронта освобождения Палестины. Главными направлениями диверсионно-террористической деятельности организации являются: продолжение особыми средствами «нефтяной войны» арабских стран против империалистических сил, поддерживающих Израиль... НФОП ведет подготовку ряда специальных операций, в том числе нанесение ударов по крупным нефтехранилищам в различных районах мира (Саудовская Аравия, Персидский залив, Гонконг и др.) <...> В. Хаддад обратился к нам с просьбой оказать помощь его организации в получении некоторых видов специальных технических средств, необходимых для проведения отдельных диверсионных операций. <...> С учетом изложенного полагали бы целесообразным на очередной встрече в целом положительно отнестись к просьбе Вади Хаддада об оказании Народному фронту освобождения Палестины помощи в специальных средствах»⁶.

Но когда начинаешь так действовать на столь своеобразно устроенном, политизированном рын-

ке, надо понимать, что ты там не один. Полагать, что больше никто не догадается, что на рынок нефти можно воздействовать разными способами — опасно.

Между тем, советское руководство принимает на фоне аномально высоких нефтяных цен решения, имеющие далеко идущие последствия: направить войска в Афганистан. В 1973-1974 гг. руководство Саудовской Аравии ввело нефтяное эмбарго против США, обещало при необходимости сократить добычу на 80%, а в случае попытки применить силу и взорвать нефтепромыслы. Когда советские войска вошли в Афганистан, нефтедобывающие страны Ближнего Востока в целом и особенно Саудовская Аравия восприняли это как первый шаг к овладению контролем над нефтепромыслом Ближнего Востока. Произошедшее радикально изменило ситуацию в регионе. Саудитам срочно понадобилась помощь «большого брата», военная защита, и отношения с США стали быстро улучшаться. «Большому брату» нужны были прогнозируемые и более низкие цены на нефть. Отнюдь не случайно, что одним из первых визитов компетентного, только что назначенного шефа ЦРУ Уильяма Кейси оказался полет в Эр-Рияд. У Кейси был серьезный опыт работы на стыке экономики и безопасности. Во время Второй мировой войны он работал в отделе, который как раз занимался анализом способов, позволявших нанести максимально возможный ущерб немецкой и японской экономике. Для него идея, что экономика и политика взаимосвязаны, не была новой. Конечно, крушение цен на нефть в середине 1980-х годов было связано с фундаментальными рыночными факторами, которые делали невозможным сохранение цен на уровне, сложившемся в начале 1980-х годов. Но то, в какие сроки и в каких масштабах упали нефтяные цены, трудно понять вне политического контекста.

Дата краха Советского Союза для меня ясна. Это не август 1991 года и даже не декабрь 1991-го. Это 13 сентября 1985 года, когда министр нефтяной промышленности Саудовской Аравии, шейх Ямани объявил, что Саудовская Аравия радикально меняет свою нефтяную политику, перестает сдерживать добычу и будет стремиться восстановить свою долю на нефтяном рынке. За следующие 6 месяцев нефтедобыча в Саудовской Аравии выросла в 4 раза.

И цены на нефть в реальном исчислении упали примерно в 4 раза. Советский Союз потерял 20 миллиардов долларов доходов от экспорта энергоносителей. Продолжать и дальше импортировать в прежних масштабах то, без чего, по словам М. Горбачева, страна жить не может, оказалось невозможно. Последние

годы экономическая история СССР просто была длинным постскриптумом.

Советское руководство, если брать экономическую сторону дела, после падения экспортных доходов на 20 миллиардов долларов имело три альтернативных варианта проведения ответственной экономической политики.

Первый из них — распустить восточноевропейскую империю, перестать поддерживать страны социалистического содружества бартерными поставками нефти и газа и нефтепродуктов, за которые СССР конвертируемой валюты не получал. Представить себе нечто подобное в 1985–1986 годах было невозможно. Советское руководство ничего не понимало в произошедшем. Генеральный секретарь ЦК КПСС пришедший на Пленум ЦК КПСС с предложением отказать от всех завоеваний Второй мировой войны, никогда не вышел бы с него в той же должности.

Второй вариант: руководство страны полностью отказывается от импорта продовольствия. Это позволило бы сэкономить те самые 20 миллиардов выпавших доходов. Практически же это означало, что крупные города надо было переводить на карточное снабжение по нормам Великой Отечественной войны. И это после того, как руководство правящей партии 70 лет говорило, как оно ведет народ к светлому будущему. Никаких шансов сохранить режим в этой ситуации не было, и эта тема всерьез даже не обсуждалась.

Третий вариант: необходимо резко сократить военное производство, экспорт высвободившихся сырьевых материалов позволит частично компенсировать потери от снижения доходов от нефти. Практически

полностью прекращаются инвестиции, свертывается производство в отраслях, зависящих от импортных комплектующих. Это полный конфликт с элитой ВПК. Возникнет тяжелейшая проблема в моногородах, зависящих от заводов, производство которых требует импортных комплектующих. Эта тема также всерьез не обсуждалась. Очень мягко подобный вопрос на Политбюро ставил секретарь по экономике Н. Слюньков.

В результате советское руководство принимает ответственное и мужественное решение — крепко закрыть глаза, сделать вид, будто ничего не происходит, и возложить надежды на то, что все как-нибудь само собой устроится. Именно это оно и делает в 1985–1986 гг.

Но невозможно уйти гот ответа на простой вопрос: где взять валюту, чтобы закупить 40 миллионов тонн зернового импорта? СССР в массовых масштабах начинает привлекать кредитные ресурсы мирового рынка. Так как кредитная репутация страны к этому времени была еще высока, выше, чем у Китая, в 1985–1986 гг. можно одолжить столько, сколько требуется. Именно так развивается ситуация в 1985–1987 годах. Приличные погодные условия и неплохие урожаи 1986–1987 годов помогают проводить такую политику. В 1988-м погодные условия оказались неблагоприятными. С этого времени процесс развала советской экономики становится очевидным.

В 1989 году выясняется, что никто больше денег в долг на коммерческих основаниях Советскому Союзу давать не готов. Советскому руководству приходится отвечать на простые вопросы: «Как вы собираетесь брать кредит? Половина задолженности СССР — крат-

Рис. 6

*Все цены приведены к постоянному уровню 2000 года.

Источник: расчеты по: International Financial Statistics 2004, IMF; Energy Efficiency and Renewable Energy Website, US Department of Energy (<http://www.eere.energy.gov>).

Восходящая линия на графике — пик брежневской эпохи, нисходящая — начало краха СССР.

косрочная. Ее надо гасить немедленно. Понимаете ли вы, что рефинансировать ее на коммерческих основаниях невозможно? Советское руководство отвечает: «Как гасить кредиты? Но нам же очень надо, мы без этого жить не можем». Западные бизнесмены парируют: «Хорошо, тогда идите к западным правительствам и с ними договаривайтесь».

В 1985 году идея, что советское руководство должно обратиться к правительствам стран, которые рассматривались как потенциальные противники, и будет просить политически мотивированные кредиты, идти за это на политические уступки, — такая идея не могла присниться и в страшном сне. А документы 1989 года показывают, что к этому времени кредиты и уступки уже стали главной заботой советского руководства. Экономическая ситуация в стране между тем продолжает осложняться по двум ключевым направлениям: это нефть и продовольствие. Нефтяная промышленность сильно зависит от импортных компонентов. Приведу две цитаты из стенограммы совещания в Совете Министров СССР, посвященного ситуации в нефтедобыче.

«Мы понимаем, что единственный источник валюты — это, конечно, нефтяной источник... Если мы сейчас не примем все необходимые решения, то следующий год мы можем провести так, как нам еще не снилось. <...> По соцстранам может закончиться самым критическим образом. Это все приведет нас к самому настоящему краху, и не только нас, но и всю нашу систему...»⁷

На деле уже через полгода выясняется, что дела обстоят еще хуже, чем в сентябре, недавно казавшиеся катастрофическим.

Из письма заместителя Председателя Кабинета министров СССР Л. Рябьева Председателю Кабинета министров СССР В. Павлову от 31 мая 1991 г.: «За прошедший период текущего года положение дел в нефтяной промышленности ухудшилось. Потребности отрасли в оборудовании и материалах удовлетворены на 50–60%. Почти наполовину сокращены поставки оборудования и труб по импорту ввиду нехватки валюты... В настоящее время на нефтепромыслах простаивает 22 тыс. нефтяных скважин... За январь-май текущего года среднесуточная добыча нефти ведется на уровне, обеспечивающем добычу 530 млн. тонн в год, поставку ее нефтеперерабатывающим заводам в объеме 452 млн. тонн и на экспорт — 61 млн. тонн...»⁸

МВЭС докладывает о катастрофическом положении, складывающемся в выполнении графиков, отпуском нефти, нефтепродуктов на экспорт в IV квартале⁹. Это еще только IV квартал 1990 года, почти за 9 месяцев до краха.

Хлебоснабжение Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Перми, Екатеринбургa в определенной степени зависит от импорта закупок.

Вот как видится сложившаяся ситуация тем, кто должен отвечать за снабжение страны зерном: «В связи со складывающейся острой обстановкой с зерном фуражных культур представляем предваритель-

Рис. 7

Источник: Flynn D.O. Расчеты по: Fiscal crisis and the decline of Spain (Castile). // The Journal of Economic History. 1982. Vol. 42. P. 142; Внешняя торговля СССР. Статистический сборник за годы: 1971, 1973, 1975, 1977, 1979, 1981, 1983, 1985, 1987, 1989. М.: Финансы и статистика; International Financial Statistics 2005, IMF

В конце гистограммы вы видите год, когда Испания, армия которой полвека не потерпела ни одного серьезно поражения на суше, была вынуждена отказаться от всех своих владений вне Пиренейского полуострова, от контроля над Португалией и с огромным трудом смогла удержать Арагон, Каталонию и Астурию.

ный расчет зерна этих культур из урожая 1989 года. Из указанного расчета видно, что из урожая текущего года не хватает 30,7 млн. тонн зерна фуражных культур. <...> Учитывая изложенное, возникает необходимость ускорить решение вопроса о закупке фуражного зерна за границей»¹⁰. Легко сказать — «ускорить решение о закупке 30,7 миллионов тонн зерна за границей!» Руководство правительства хотело бы знать, откуда взять необходимую для этого валюту? Но ответа на это никто дать не может.

На фоне нарастающего кризиса в нефтедобыче обострились проблемы с зерном. Невозможно было привлечь коммерческие кредиты, стали нужны срочные политические кредиты. Об этом советское руководство информирует те, кто отвечает за внешнюю торговлю и внешнеэкономические связи.

«В соответствии с Вашим поручением по телеграмме из Бонна с участием т.т. Катусева, Геращенко, Московского, Хоменко, Ситнина проанализировали возможные с нашей стороны шаги по вопросу о получении финансового кредита от правительств стран ЕС, и прежде всего ФРГ, Франции, Италии и, возможно, Англии. По информации из ФРГ, руководством «Дойче Банка» высказана рекомендация непосредственно обратиться к правительствам указанных стран с просьбой о предоставлении кредита...»¹¹.

Рассказы о том, как Э. Шеварднадзе предал интересы Советского Союза, особенно интересно слышать на фоне документов о том, как срочно были необходимы политически мотивированные кредиты.

Из записки, подготовленной для Э. Шеварднадзе: «В ходе состоявшейся 27 апреля с.г. встречи представителей Внешэкономбанка с «Дойче Банком» руководство последнего считает целесообразным проведение в кратчайшие сроки переговоров Советского правительства с правительствами стран ЕС, в первую очередь с ФРГ, Францией, Италией и, возможно, Англией о получении государственных гарантий, под которые банки соответствующих стран были бы готовы предоставлять финансовые кредиты на покрытие дефицита платежного баланса СССР и финансирование мероприятий по дальнейшей перестройке экономики СССР...»¹².

Советское руководство надеется, что высокие цены на нефть еще вернутся, что период низких цен скоро уйдет в прошлое, забудется, как ночной кошмар. Ждать возврата к аномально высоким ценам на нефть пришлось 17 лет. Но советское руководство этого тогда не знало. Оно надеялось, что проблему можно решить, перехватив на время денег.

Получить политически мотивированные кредиты непросто. Поэтому СССР начинает быстро наращивать задолженность по импортным поставкам (см. рис. 8).

Западные фирмы прекращают поставки. «На сегодняшний день ряд иностранных фирм («Луис Дрейфус», «Фризахер», «Бунге» и другие) уже прекратили отгрузки товара в СССР, и суда, зафрахтованные под перевозку зерна и хлебофуражных культур уже несколько дней стоят в портах в ожидании решения вопроса».

В это время население неплохо понимает происходящее, критичность ситуации.

ВЦИОМ: «На вопрос, что ожидает Советский Союз в ближайшие месяцы, 70% опрошенных ответили, что ждут ухудшения ситуации. Более половины населения (54%) сочли возможным наступление в 1991 г. экономической катастрофы, 49% — массовой безработицы, 42% — голода, 51% — перебоев с подачей воды и электроэнергии»¹³. Все это относится к маю 1990 года. До пика кризиса еще далеко.

Критичность ситуации осознает и руководство страны. Лидер ленинградских коммунистов говорит о своем видении происходящего: «Вот «трахнет» кто-нибудь по витрине, и в Ленинграде начнется контрреволюция. И мы не спасем страну».

Советские руководители, конечно, не были интеллектуалами, но то, что они пришли к власти в результате революционного процесса, начатого в 1917 году продовольственными беспорядками в Петрограде, помнили. Повторение подобного всегда было для них навязчивым кошмаром. Даже при наличии храброго и преданного царю А. Кутепова, в феврале 1917 года войск, которые были способны и готовы такие беспорядки подавить, уже не нашлось — где гарантия, что найдутся сейчас?

Новочеркасские события также никогда не уходили из исторической памяти советского руководства.

В это время СССР просит уже не только о политически мотивированных кредитах, но и о срочной гуманитарной помощи. Начинается оживленная переписка между советскими властями и Евросоюзом по поводу того, какую гуманитарную помощь нам могут предоставить. Речь идет именно о гуманитарной помощи, которую обычно предоставляют наиболее слабо развитым странам, столкнувшимся с продовольственной катастрофой.

Идет переписка о том, как эту помощь распределить.

«Уважаемый Лев Алексеевич! Прошу вас передать Министерству обороны СССР 8 млн. комплектов

суточных рационов военнослужащих Бундесвера (сухих пайков), поступающих из Германии в качестве гуманитарной помощи в адрес Всесоюзного объединения «Продинторг» в порты Ленинграда, Таллина и Клайпеды, для выдачи военнослужащим и членам их семей».

Из письма Министерства обороны тому же адресату, направленного три дня спустя: «Уважаемый Лев Алексеевич! Прошу вас рассмотреть возможность из поступающей гуманитарной помощи передать Министерству обороны СССР 7 тыс. тонн хлеба длительного хранения в жестбанках»¹⁴.

Министерство обороны мировой сверхдержавы обращается в правительство с просьбой направить часть гуманитарной помощи, которую предоставляют германские власти, в его распоряжение, чтобы как-то прокормить солдат и офицеров.

И. Полозкову, лидеру российских коммунистов и оппоненту М. Горбачева. Ситуация с продовольственным снабжением в Российской Федерации виделась так: «В 27 регионах положение катастрофическое, через неделю там могут быть остановлены мельницы и прекратиться выпечка хлеба, снабжение комбикормами птицефабрик и крупных животноводческих комплексов»¹⁵. Надо сказать, что официальные документы подтверждают описанное И. Полозковым.

А вот как видит развитие событий помощник президента А.С. Черняев: «Вчера был Совет безопасности. Проблема продовольствия... Но теперь уже конкретнее — хлеб. Не хватает 6 млн. тонн до средней нормы. В Москве, по городам уже очереди такие, как года два назад за колбасой. Если не добыть где-то, то к июню может наступить голод...»¹⁶.

Сходная оценка ситуации видна по переписке тех, кто отвечал за снабжение хлебопродуктами: «В стране в ближайшее время может сложиться чрезвычайная ситуация со снабжением населения хлебопродуктами, а животноводства — концентрированными кормами. Ежемесячно на эти цели расходуются около 8 млн. тонн продовольственного и фуражного зерна. По состоянию на 1 марта с. г. остатки его в государственных ресурсах (без учета семян) оцениваются по расчетам специалистов в количестве около 13 млн. тонн, из них почти половина находится в Казахской ССР. Это означает, что запасы продовольственного зерна (кроме Казахстана, где его хватит до нового урожая) будут исчерпаны в конце марта...»¹⁷.

Просмотрев такие документы, легче понять ситуацию, в которой в это время оказалось советское руководство и, в частности, М. Горбачев. Если не

смотреть на происходящее с точки зрения финансов, денег, валюты, зерна, то его метания: союз с Ельциным, его разрыв, события в Прибалтике, попытка вновь договориться с лидерами республик, Новоогаревский процесс — все это понять невозможно. Между тем поле для политического маневра оказывается несуществующим.

М. Горбачев не может распустить империю и сохранить власть. Вся советская элита категорически против этой идеи. Он не может сохранить империю, не применяя в массовых масштабах насилие. Он не может надеяться получить 100 миллиардов долларов, о которых все время говорит с западными лидерами, если встанет на путь применения силы против тех, кто противостоит режиму. Не может сохранить власть, если не получит 100 миллиардов долларов политически мотивированных кредитов. Из этого порочного круга нет выхода.

Когда речь идет о политически мотивированных кредитах, надо понимать, что это такое. Это средства западных налогоплательщиков. Их выделение зависит от западного общественного мнения, расстановки сил в парламентах. Даже если у тебя хорошие отношения с тем или другим западным лидером, то надеяться, что тебе удастся получить эти деньги, если, с точки зрения общественного мнения ведешь себя неправильно, не стоит.

Однако представления западного общественного мнения о нормах поведения, рамках возможного применения насилия радикально отличаются от тех, которые на протяжении предшествующих десятилетий разделяла советская элита. Устойчивость восточноевропейской империи базировалась на убеждении, что когда и если будет надо, советское руководство прольет столько крови, сколько необходимо, чтобы поддержать или восстановить власть вассальных режимов.

Это было продемонстрировано в ГДР, Венгрии, Чехословакии, тогда все знали, что дело обстоит именно так, каждый раз посылать танки не приходится. Все и так понимают, в каком мире живут.

В начале 1989 года польскому обществу становится ясно, что в создавшейся ситуации, когда СССР позарез нужны западные деньги, советское руководство не может послать танки в Польшу для спасения режима. Коммунистическому руководству Польши в начале весны 1989 года это так же ясно.

С этого момента речь идет о сроках и форме капитуляции. После того как к власти в Польше приходит недружественное СССР правительство, под-

держивать Группу советских войск в ГДР логически невозможно. Дальше приходится обсуждать сроки и условия ее вывода. Горбачеву даже не обязательно было говорить Дж. Бушу во время встречи на Мальте, что он не собирается применять силу в Восточной Европе для поддержки вассальных режимов. Это и так ясно. Произнесенные слова лишь ускорят неизбежный процесс. За 6 недель, прошедших после мальтийской встречи, восточноевропейская часть империи перестала существовать.

Представления Запада о нормах поведения не ограничиваются только Восточной Европой. В 1990 году в резиденцию посла США в СССР приходит председатель Верховного Совета Литвы Ландсбергис. Он задает два вопроса: «Если мы провозгласим независимость, признаете ли вы нас? И поддержите ли вы нас с точки зрения безопасности?» Ответы в переводе с дипломатического языка: «Нет, не признаем. Это противоречит нашим принципам. Вы не будете контролировать свою территорию. Ни в коем случае, из-за вас мы не собираемся влезать в какие-либо военные авантюры».

Но когда после этого СССР пытается использовать военную силу для обеспечения контроля в Литве, советское руководство получает абсолютно однозначный сигнал. Его суть предельно проста: «Делайте, что хотите. Только просьба больше не беспокоить нас по вопросу о стомиллиардных политически мотивированных кредитах»¹⁸.

Да, конечно, есть люди, которые еще думают, что Горбачев был не готов использовать силу для сохранения империи, потому что он «слабак». Когда они

возьмутся за дело, то всем быстро покажут, кто в доме хозяин. Это прелюдия ГКЧП. Не буду рассказывать его историю, она хорошо известна.

Напомню, что наиболее информированный об экономической ситуации, сложившейся в Советском Союзе, член ГКЧП, председатель кабинета министров В. Павлов, вечером 18 августа, перед введением чрезвычайного положения напился до полного бесчувствия. Думаю, он лучше других понимал обреченность начатой авантюры. Допустим, они найдут лояльные части, подавят сопротивление силой. Но разве после этого им дадут политически мотивированные кредиты? Откуда возьмется продовольствие в крупных городах? А если на этот вопрос нет ответа — неизбежны продовольственные беспорядки по образцу 1917 года. Раньше или позже — но у них не найдется сил, чтобы их подавить.

После краха ГКЧП история Советского Союза по большому счету была окончена. Республики провозглашают свою независимость, советские власти не контролируют финансовую систему, практически не получают налоговых доходов, не контролируют денежную политику. Центральные банки предоставляют кредиты без согласования с Госбанком СССР. СССР не контролирует свои границы. Между тем обустроенных границ России с провозгласившими свою независимость Прибалтикой и Украиной также нет. Никто не знает, чьи приказы выполнит мотострелковая дивизия, расквартированная на Украине. Украинские власти заявили, что она подчиняется им; советские же думают, что она еще часть вооруженных сил СССР. Реально она не выполнит ничьи приказы о применении силы. Такие страны существовать не могут. Ключевой вопрос в это время: удастся ли уйти от катастрофических последствий краха территориально интегрированной империи?

Все страны, которые в начале XX века называли себя империями, к концу XX века перестали существовать. У процесса их распада были фундаментальные, социально-экономические и политические причины. Наиболее серьезные проблемы возникали при дезинтеграции территориально интегрированных империй. Заокеанскую империю можно оставить, вывезти миллион переселенцев, постараться забыть про нее. Когда речь идет о тривиально интегрированной империи, все иначе. За границами новых государств остаются люди, которые жили здесь поколениями, нередко считали себя привилегированным меньшинством. Теперь им предлагают либо уезжать,

Рис. 8

либо стать людьми второго сорта. История судетских немцев — один из самых трагических примеров такого развития событий. До сих пор территориально интегрированные империи либо распались в результате кровопролитных гражданских войн, как Оттоманская, либо были спасены от гражданских войн внешней оккупацией, как Австро-Венгерская.

Советский Союз и Россия — уникальный пример территориально интегрированной империи, которая сумела самораспуститься без полномасштабной гражданской войны и иностранной оккупации. На мой взгляд, это достижение. Но рассказ о том, как это получилось, — это уже другая история.

Евгений Ясин:

Спасибо, Егор Тимурович. Ждем следующую книгу, где будет рассказано продолжение. А пока вопросы, кто желает.

Виктор Полтерович:

...Книга такого крупного политического деятеля обречена на успех, потому что людям интересно же узнать, как он думает сам, может быть, независимо от ее содержания. Но автору должно быть интересно, насколько убедителен он в основных своих тезисах.

Мне кажется, что, говоря постоянно о катастрофе, автор не приводит сколько-нибудь точных цифр или данных о том, а что это означает? Скажем, последнее падение ВВП на 40% — это катастрофа или нет? И насколько, действительно, упал ВВП? Ничего при этом вроде бы с властью особо не произошло. Ну, был конфликт в 1993 году. Насколько это была реальная опасность или насколько она была воображаемая — это остается за кадром, это остается неясным. Но, без сомнения, советский экономический механизм доказал свою неэффективность — с этим, я думаю, поспорить невозможно. Но насколько катастрофа действительно была катастрофой?

Кое-какие цифры, которые здесь приведены, у меня, честно говоря, вызывают большие сомнения. Я приведу один пример. Вот здесь есть табличка, где сказано, что валовой национальный продукт упал в России в 1991 году на 13-14%. Я профессионально занимался этими вещами, но такой цифры, честно говоря, ни в одном современном справочнике нет. Я специально заглянул в справочник «Экономикшен форвиуол»: в 1990 году — минус 3%, в 1991 — минус 5%. И это цифры, которые ходят в разных источниках, примерно порядок никто в точности не знает, естественно, но порядок такой, но никак не 13 и

14. Это выглядит совершенно невероятным. Если в 1991 году при повышении цен, ожидании реформ, при всех этих обстоятельствах падение составило минус 5%, тогда, конечно, с одной стороны, это катастрофа для любой экономики.

Но, с другой стороны, все-таки, не 15%, как это было уже через год, в 1994-м, ну и не 40, как это оказалось к 1996 и к 1997 году, поэтому вот здесь требуются, как мне кажется, какие-то уточнения.

У меня не проходит ощущение, что все-таки книжка грешит некоторым экономизмом. Есть очень красивая история, история про Испанию, достаточно убедительная. Но в целом ведь социальные сдвиги, которые происходили в сознании и всего советского народа и особенно элиты, они, мне кажется, играли едва ли не бóльшую роль, чем экономические факторы. Если грубо делить, где-то до 1960 года, не знаю как точно, целью СССР было вовсе не выполнение первого закона социализма «повышение благосостояния», это была система, нацеленная на создание военной державы, прежде всего аргументированная на расширение, на захват других территорий, в конечном итоге на мировое господство. И в этом отношении она была фантастически успешной, просто фантастически.

Мне кажется, что с отказом от этого критерия и связан крах в значительной степени, в не меньшей степени, чем с экономическими катастрофами.

Егор Гайдар:

По поводу ВВП. В ситуациях, подобных тем, которая сложилась в СССР в 1991 году, расчеты ВВП более чем условны. С точки зрения экономической политики, по этому поводу важно то, какие данные получало руководство страны. В книге я цитирую официальные документы, которые ложились на стол советским лидерам.

Теперь о том, является ли падение ВВП на 40% катастрофой. В 1991–1992 годах мне было не слишком важно, какие показатели ВВП покажет статистика. Важнее было то, будет ли голод в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде. Знал, что когда хлебозаготовки в России катастрофически упали на рубеже 1917–1918 гг., в стране был голод, унесший многие жизни. Не повторить этот путь — было главным здесь. А разговор о том, что такое советский ВВП, с точки зрения самой концепции этого показателя по Пигу и Кузнецу это отдельный и непростой теоретический вопрос. Голод — это не теория. Это действительно катастрофа.

Вопрос:

Егор Тимурович, у меня один вопрос по поводу гибели империи. Очень ярко, глубоко и, в общем-то, вывод, что это было неизбежно, он и в ваших словах сегодняшних и в книге — это ярко. А уроки для современной России — это как бы такой образ или тут имеется все-таки какое-то совершенно конкретное содержание? Я имею в виду, что опасность развала империи — это очень плохо. Только в этом уроке или какие-то есть еще уроки, которые в под-тексте?

Егор Гайдар:

Эта книга о прошлом. Но для меня она книга о будущем, о вызовах, с которыми может столкнуться наша страна. Речь в ней идет о необходимости понимания российским обществом и российской элитой рисков, связанных с непредсказуемостью нефтяных цен. Дискуссия о том, что у нас огромный стабилизационный фонд, для меня звучит довольно странно. Наши расчеты показывают, что средства фонда при снижении цен до уровня, превышающего средний многолетний — 25 долларов за баррель, хватит на 2-3 года. В Норвегии он позволяет пережить период низких цен на нефть, похожий по протяженности на середину 1980-х — 1990-х годов, не закрывая госпитали, университеты и т.д. Однако объяснить людям, и отнюдь не только в нашей стране, что ресурсозависимые экономики устроены своеобразно и если мы не хотим столкнуться с новым набором катастрофических проблем, это надо понимать; к этому приспособить экономическую политику непросто.

В какой-то момент я понял, что, только подробно рассказав историю гибели Советского Союза, того, как на развитие событий повлияло непонимание советским руководством рисков, связанных с ресурсной зависимостью, непредсказуемостью сырьевых доходов, убежденность в том, что высокие цены на нефть — навсегда, можно объяснить природу подобных проблем, с которыми мы можем столкнуться вновь. Считал важным, чтобы хотя бы часть российского общества это осознала. Два раза на одни и те же грабли наступать обидно.

Евгений Ясин:

Я бы сказал, что здесь в других главах есть и другие уроки, которые не менее важны. Это, по-моему, вторая глава. Она, мне кажется, не менее важная, чем глава о нефти.

Виталий Шлыков:

Я очень внимательно, с наслаждением прочитал книгу, но не заметил ни одного упоминания, например, слов «конверсия» и «милитаризм». Перечитав одну вашу статью в «Коммунисте» в 1990 году, я вспомнил, что вы писали, что конверсия оборонного сектора может стать важнейшим фактором сокращения расходов и роста доходов государства, насыщения рынка новым поколением потребительских товаров, катализаторов структурной перестройки. Я это говорю к тому, что я полностью разделяю ту задачу, которую вы ставите. Это исключительно важно для будущего. Но, достаточно ли тех факторов и того временного отрезка, для того чтобы убедить общество в ошибочности его взглядов на имперское прошлое и на то величие, с которым сейчас население связывает будущее Советского Союза? Ведь оно не связано даже с брежневским периодом, не говоря уже о горбачевском. Все вспоминают победу в Великой Отечественной войне, космос, паритет ядерный и т.д.

Егор Гайдар:

...Чтобы адаптироваться к постимперскому синдрому, нужно время. Можно спорить о том, насколько хорошо то, как Великобритания распустила свою империю. Со своей точки зрения — удачно. Процесс прошел почти бескровно. С точки зрения того, что потом произошло в Индии и Пакистане, развитие событий представляется по-иному.

Но в 1950-х годах в Англии проблема эксплуатации постимперского синдрома была серьезной. Страна именно поэтому долго не могла адаптироваться к своему месту в Европе. Но время лечит. В Кембридже, в Оксфорде мне приходилось общаться с сегодняшними английскими студентами. Объяснять же им, почему Англия должна была управлять Индией и, более того, поднять их на борьбу, чтобы она снова стала империей — задача неразрешимая. И у нас я верю только в одно лечение — время. Было бы хорошо, если бы власти понимали эту угрозу, а система пропаганды была бы ориентирована на осознание обществом ее серьезности. Но пока рассчитываю только на время...

Виталий Тамбовцев:

Благодаря любезности автора мне удалось прочитать книгу давно и подробно. К сегодняшнему дню я еще раз перечитал ее, с тем чтобы, соответственно,

с позиции экономиста, а не политика, разумеется, обратить внимание на подзаголовок книги «Уроки для современной России»... Я, конечно, почерпнул массу интереснейшей фактической информации, которой не было. Но, я повторяю, гораздо интереснее то, что касается уроков. В книге специальным урокам посвящено послесловие, завершение. Это несколько страниц, это очень четкие страницы...

Егор Гайдар:

Не хотел затягивать изложение. Если надо было выделить два урока, я бы сказал о непредсказуемости нефтяных доходов и об опасности в нынешнем мире формально прочных, а на самом деле хрупких государственных институтов <...> Евгений Григорьевич, прошу прощения. В этой аудитории я собирался находиться сколь угодно долго, но если не оставлю вас сейчас — опоздаю на самолет. Поэтому, с вашего разрешения, вынужден вас покинуть.

Примечания

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. 2-е изд. С. 769.

² РГАНИ. Ф. 9. Оп. 5. Д. 33. Л. 170.

³ Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995. С. 229.

⁴ Интервью с В.И. Грайфером. Цит. по: *Славкина М.В.* Триумф и трагедия: развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е годы. С. 143.

⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. С. 151.

⁶ Записка Ю.В. Андропова Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. Брежневу. О конспиративной встрече резидента КГБ в Ливане с В. Хаддамом. 23.04.1974 г. No 1071-А/ОВ. <http://www.2nt1.com/archive/pdfs/terr-wd/plo75a.pdf>. В другом письме Л. Брежневу, посвященном вопросам снабжения Народного фронта освобождения Палестины оружием, Ю. Андропов называет В. Хаддада доверенным лицом разведки КГБ. См.: Записка Ю. Андропова. Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. Брежневу.

О передаче В. Хаддаду партии иностранного оружия и боеприпасов к нему. 16.05.1975 г. No 1218-А/ОВ. <http://www.2nt1.com/archive/pdfs/terr-wd/plo75d.pdf>.

⁷ Стенограмма совещания у председателя Совета министров СССР Н.И. Рыжкова «О поставке для государства нефти, газового конденсата и нефтепродуктов в 1991 году». 17 сентября 1990 г. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 379. Л. 143.

⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 269. Л. 17, 18.

⁹ «МВЭС СССР докладывает о катастрофическом положении, складывающемся с выполнением графиков отгрузок нефти и нефтепродуктов на экспорт в IV квартале с.г.». См.: записку К.Ф. Катушева К.Ф., министра внешнеэкономических связей СССР, председателю Совета министров СССР Н.И. Рыжкову «Об экспорте нефтепродуктов в IV квартале 1990 года». ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 1524. Л. 1.

¹⁰ Записка министра хлебопродуктов СССР А.Д. Будыки Первому заместителю Председателя Совета Министров СССР В.В. Никитину 11 августа 1989 г. No 120–272. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 19. Д. 4421. Л. 244.

¹¹ С.А. Ситарян — Н.И. Рыжкову. 3 мая 1990 г. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 1464. Л. 82.

¹² Памятная записка для беседы Э. Шеварднадзе с Г. Колем. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 1464. Л. 83.

¹³ *Космарский В.Л., Хахулина Л.А., Шпилько С.П.* Общественное мнение о переходе к рыночной экономике. Научный доклад. М.: ВЦИОМ, 1991. С. 8.

¹⁴ Письма В. Архипова, зам. министра обороны СССР, Председателю Центральной Комиссии по использованию гуманитарной помощи Л.А. Воронину «О распределении гуманитарной помощи». 16 января 1991 г. 19 января 1991 г. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 1028. Л. 44, 45.

¹⁵ И. Полозков, первый секретарь ЦК Компартии РСФСР, Президенту СССР М.С.Горбачеву, премьер-министру В.С. Павлову 21 марта 1991 г. См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 562. Л. 16.

¹⁶ А.С. Черняев. Дневник помощника Президента СССР. М.: ТЕРРА, Республика, 1997. С. 124.

¹⁷ В. Акулинин (Отдел агропромышленных отраслей) тов. Павлову В.С. О возможности чрезвычайной ситуации со снабжением населения хлебопродуктами, а животноводства — концентрированными кормами. 18 марта 1991 г. См.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 163. Д. 560. Л. 16.

¹⁸ *Matlock J.F.* Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Soviet Union. New York: Random House, 1995. P. 231, 339. ■ □ ■